

Пейзаж светится красным и оранжевым, гнетущий жар от рек лавы постоянно ощущается, даже если Вейдер не может почувствовать его сквозь броню. Он знает, что она есть, так же как знает, что никогда не сможет забыть эту планету. Мустафар - это настоящий ад. Это место, куда джедаи попадают, чтобы умереть. И он тоже. Его внимание привлекает движение, и он поворачивается. Рядом с ним стоит Энакин с выражением лица, полным неуверенности и беспокойства.

"Не нравится мне эта планета", - с содроганием замечает Энакин. В воздухе витает предчувствие, и Вейдеру это не нравится. Сила гудит от неправильности, и это его настораживает.

"Энакин!" Они оба вздрагивают, услышав голос, который никогда не забудут. Оби-Ван пробирается сквозь дымку и дымку, в его сине-серых глазах - неодобрительный, разочарованный взгляд. Нет, понимает Вейдер, это не Оби-Ван, его Оби-Ван. Это бывший учитель Энакина. "Как ты мог?" Голос Кеноби обвиняющий, болезненный, и хотя слова обращены не к нему, они словно нож в сердце. Вейдер думает, что он бы сломался и на коленях просил прощения у своего мастера, если бы Оби-Ван пришел к нему с разочарованием, а не со злостью столько лет назад.

"I -" Энакин поперхнулся и попятился назад, когда маленький виброблейд пронесся по воздуху и вонзился ему в грудь. На мгновение он опускает глаза, когда ноги подкашиваются и он падает на землю.

"Нет!" - кричит Вейдер, падая на колени и протягивая руку, чтобы коснуться Энакина, не зная, чем он может ему помочь. Он не может... не может... Энакин не может умереть. Он не может его потерять. Слишком рано для них обоих. Они еще так молоды, а галактика нуждается в них. "Энакин, - умоляюще произносит он, потянувшись к Силе и вливая ее в тело младшего, который лежит, умирая, на краю лавовой реки на Мустафаре. Нет. Почему это происходит? Только не снова. Неужели им суждено погибать здесь каждую жизнь?

"Ты не можешь умереть". Вейдеру все равно, что он умоляет. Он гладит кудри юноши, молча желая ему жизни, когда паника и страх начинают душить его.

"Все в порядке", - шепчет Энакин, протягивая руку Вейдеру, хотя его собственное предательство топит его; Вейдер чувствует это. Кеноби - единственный друг здесь. Это он бросил виброблейд. Никто другой не мог этого сделать.

"Ты был Избранным!" кричит Кеноби, не двигаясь с места. Кажется, его совершенно не волнует тот факт, что его падаван умирает. "Было сказано, что ты уничтожишь ситхов, а не присоединишься к ним, принесешь равновесие в Силу, а не оставишь ее во тьме".

Вейдер вздрагивает. Эти слова преследовали его в ночных кошмарах. И, наверное, всегда будут преследовать. Он никогда не чувствовал себя большим неудачником, чем в тот момент, и какая-то часть его самого отчаянно жаждала возможности доказать Оби-Вану свою правоту, даже после всего. Он ненавидит это. Ненавидит за то, что все еще может любить человека,

который поместил его в этот костюм жизнеобеспечения, еще сильнее. Он ненавидит себя за то, что оказался таким слабым.

Его боль отражается в Силе, и она словно увеличивается в десять раз. Боль - эмоциональная и физическая - притупляет его чувства, и он почти чувствует, как пламя, поглощающее его, снова пожирает его. От толчка Вейдер просыпается, респиратор работает быстрее обычного, пытаясь справиться с бедой. Вот почему он не любит спать. Когда он спит, ему снятся сны, и все, что он видит, - это кошмары и вспышки давно минувших времен.

Не прошло и десяти секунд, как в комнату входит Энакин, лицо его несколько бледнее обычного, и если бы Вейдер мог вздохнуть, он бы вздохнул. Конечно. Он должен был понять. Из-за прочности их связи они так же склонны попадать в петлю кошмаров, как и в петлю эмоциональной обратной связи. Этот кошмар был гораздо более подробным и ярким - и ужасающим, не добавляет он, - чем многие из тех, что он пережил, даже сразу после того, как все случилось на Мустафаре.

После того как Вейдер официально возглавил Альянс сепаратистов - он так гордится тем, что ему это удалось, - они с Энакином вместе отремонтировали его левый протез, а затем начали обустраивать покои Вейдера в замке Дуку, что потребовало еще больше возиться, а также перемещать оборудование с помощью Силы. Чтобы Вейдер смог снять шлем и доспехи, в комнате должно быть давление и полная стерильность. Потребуется еще несколько часов работы, прежде чем они закончат, но, поскольку наступила ночь, Вейдер настоял на том, чтобы Энакин немного отдохнул. Видимо, не только Энакин был измотан.

Энакин не спрашивает, а перебирается к Вейдеру - тот откидывается на спинку кушетки, не в силах нормально лежать, пока находится в костюме жизнеобеспечения, - и обхватывает его, прижимаясь к жесткой, неподатливой броне. Вейдер слегка смещается, поднимает руки и прижимает Энакина к себе, желая, чтобы тот действительно почувствовал его объятия. Эмоции Энакина в смятении, чего и следовало ожидать, и его трясет. Страх поглощает его, затягивая во внутреннюю спираль, достаточно сильную, чтобы Вейдер мог ее почувствовать. Вейдеру тоже страшно, ведь кошмар вызвал в нем самые глубокие опасения.

"У меня не было такого настоящего кошмара со времен кошмаров о маме", - шепчет Энакин в плечевой палантин Вейдера.

"Это был общий кошмар", - объясняет Вейдер. "Логично, что в результате он был очень ярким". Он не очень-то в это верит, но не позволяет себе заикливаться на этом. Он не будет стоять и смотреть, как Энакин умирает. Нет. Ни в коем случае. "Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось", - горячо добавляет он, проводя пальцами по кудрям Энакина, пытаясь помочь младшему успокоиться.

"Оби-Ван возненавидит меня". Голос Энакина дрожит, он, наверное, плачет. Это говорит о том, насколько он потрясен.

"Не возненавидит", - непреклонно заявляет Вейдер, хотя, опять же, он этого не знает. Он

отрицает, он понимает, но сейчас ему лучше не думать ни о чем, связанном с его - их - кошмаром или с Кеноби. "Я позабочусь об этом". Это обещание он никогда не сможет сдержать, и они оба это знают. Это почти нервирует, как сильно он любит этого ребенка, как далеко он готов зайти, чтобы защитить его. У него никогда не будет возможности вырастить своих собственных детей. Он никогда не вернется в свою реальность, более чем вероятно, но здесь у него есть еще один шанс. Это почти как если бы он усыновил Энакина как своего собственного ребенка. Об этом ему придется поразмыслить позже.

Энакин беззлобно смеется. "Ты не можешь этого знать. Ты не можешь знать, что... что он не..." Его голос обрывается, и по телу пробегает дрожь. Больно чувствовать его боль, знать, что он ничего не может сделать, чтобы избавить его от нее.

Вейдер просовывает пальцы правой руки под подбородок Энакина, откидывая голову назад, чтобы тот мог посмотреть на него. "Энакин". Серьезность и искренность его слов отражаются в Силе, и Энакин чувствует его эмоции, когда он закрывает лицо Энакина ладонями, вытирая большим пальцем несколько слезинок. "Я буду защищать тебя, - клянется он. "Я не позволю никому причинить тебе боль. Я обещаю".

По какой-то непостижимой причине Энакин, кажется, принимает его слова, и напряжение покидает его тело. Долгое время никто из них ничего не говорит. "Хорошо, - наконец пробормотал Энакин. "Может быть, тогда нам стоит найти что-нибудь, с чем можно повозиться. Я больше не смогу заснуть, да и ты, думаю, тоже".

Вейдер не мог не согласиться.

****w****

<http://tl.rulate.ru/book/103113/3575957>